
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

В. Л. ДЬЯЧКОВ

ПРИРОДНО- И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОСТА КРЕСТЬЯНСКОЙ АГРЕССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. (Тамбовский случай)

В статье рассмотрен синергизм роста, способов и путей выхода массовой и индивидуальной агрессии в перенаселенных традиционных и переходных популяциях, состоявший в своей основе из конкретно-исторических длительных природно-демографических циклов (ритмов), неизменности до конца 1920-х гг. крестьянского хозяйственно-культурного типа, конкретных путей и возможностей миграции, иных социальных способов сброса давления в перенаселенных популяциях. Развитие парадигмы «перенаселение – стресс – агрессия и ее выход» прослежено на примере движения тамбовской аграрной популяции в XVII – первой четверти XX в.

***Ключевые слова:** природно-демографические ритмы, перенаселение, «демографические мешки», стресс, агрессия.*

Наши источники настойчиво напоминают нам о синергической иерархии факторов, обеспечивших конкретную многомерную историю российского села в первой трети XX в. Понимая агрессию крестьян как повышение их политической, социальной и экономической активности в движении к лучшей индивидуальной жизни, к социальным «верхам», надо рассматривать ее истоки глубже уровня социально-классовой борьбы, приходя к объяснению ее последних пиков факторами социально-демографического и природно-демографического свойства, работавшими в конкретном историческом пространстве-времени.

История и современность, № 1, март 2014 128–141

О парадигме, причинно-следственной связи *«аграрное перенаселение – массовый и индивидуальный стресс – рост массовой социальной и индивидуальной агрессии с формированием слоя соответствующих активистов – развитие убийственного социального конфликта – сброс демографического давления в системе за счет физического устранения из популяции значительной части плодородного населения»* говорилось не раз. Напомним о циклической природно-демографической основе данной связи в традиционном и переходном обществах.

28-летний и 112-летний природно-демографические циклы, принципиально важные для понимания российского социального синергизма, были вскрыты автором еще в 1999 г. при получении группой тамбовских историков первых длительных (до 250 лет) непрерывных линий сплошной жизненной статистики десятков крупных сельских населенных пунктов. Развивающим дополнением служили синхронные данные возможно более длительной и непрерывной социально-демографической статистики на субрегиональном (уездном, районном, городском), региональном (губернском, областном) и макрорегиональном (общероссийском, всесоюзном) уровнях. С тех пор любое развитие и пополнение наших баз данных лишь углубляет и расширяет вскрытый синергизм факторов движения России в последние три-четыре века (хронология работ по теме представлена в списке литературы).

Главным продуктивным, «объясняющим» результатом вскрытия конкретных длительных природно-демографических циклов стало постижение их как систем с точной (до календарного года) хронологической привязкой.

Выявление механизма работы данных длительных циклов принципиально развило понимание давно известного годового природно-демографического ритма.

В традиционном обществе (не тронутом или мало затронутым модернизацией) длительные циклы работают как любая другая известная биосистема с ритмическими фазами нарастания и сброса давления в популяции. Сброс давления в популяции обеспечивается физическим устранением из нее достаточной для этого доли мо-

лодого, плодovитого населения и резкого нарушения баланса полов за счет прежде всего резкого и длительного повышения смертности от различных причин, а также массовой эмиграции различными способами.

Важнейшей и самой радикальной частью *природного* синергизма сброса «головами и руками» людей давления в перенаселенной популяции была и остается большая война, запускаемая по названной парадигме: «перенаселение – стресс – агрессия – реализация агрессии». Простое наложение на хронологический отрезок, соответствующий 112-летнему циклу, лет с войнами (даже без учета их «убойности»), отмеченными в достоверной хронологии от 560-х гг. до н. э., показывает (см. рис. 2 на с. 132), что шесть семилетий циклического сброса давления в перенаселенных популяциях кратно (в 2–2,5 раза) более насыщены войнами, чем предшествующие 70 лет фазы накопления давления в популяции. Если учесть «убойную силу» конкретных войн, то окажется, что все сильнейшие точно датированные военные «поветрия» от походов Александра Македонского до новейших мировых войн находятся в указанной «военно-революционной» фазе.

Интуитивно (поскольку до таких глубин времени нет надежной демографической статистики), исходя при этом из общеисторических знаний, можно предполагать существование и природно-демографических ритмов длительностью около 336 лет (в три восходящих 112-летних волны). Только в истории России можно вспомнить, какие сокрушительные сбросы давления в популяции произошли в «военно-революционных» фазах 1233–1275, 1569–1611, 1905–1947 гг.

Крупнейшей по научной объясняющей продуктивности частью вскрытия механизма длительных природно-демографических циклов оказалось открытие ритмичности баланса полов в популяциях любых размеров и времен, названной автором «женскими атаками». В первых (слабейших) и третьих (сильнейших) семилетиях 28-летнего цикла неизменно обнаруживаются значительные – более 10 % в среднем – превышения в приросте долей женщин над долями мужчин. При этом женщины, родившиеся в фазы «женских атак», имеют повышенную (до 1,5 раз) плодovитость, что резко

усугубляет перенаселение и все связанные с ним социальные проблемы в уже перенаселенных регионах. В фазах «женских атак» 28-летнего цикла, попадающих под восходящую часть 112-летнего цикла, преобладание женщин в приросте усиливается за счет сложения волн, и в 3-х семилетиях достигает 25–26 %. Именно такой излишек невест, плодovitых женщин возник в когорте родившихся в 1870-е – начале 1880-х гг. (пик – семилетие 1871–1877 гг.) и повторился через 112 лет (крайне усугубленный и продолженный новейшим социальным распадом) в когорте 1980-х гг. (пик – семилетие 1983–1989 гг.).

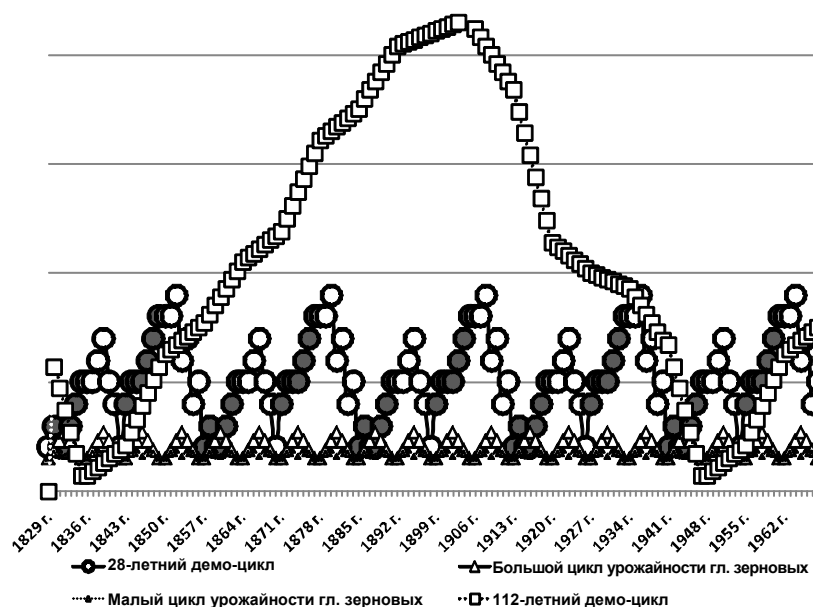

Рис. 1а. Модели 28-летнего, 112-летнего природно-демографических циклов и ритмов урожайности главных зерновых культур на отрезке 1829–1968 гг. «Женские атаки» 28-летнего цикла выделены тонированными маркерами. На оси абсцисс – начальные годы 7-летий 28-летнего цикла. Нисходящий участок 112-летнего ритма – фаза сброса давления в перенаселенной популяции синергизмом средств голода, болезней и в массовых войнах как форме реализации агрессии («военно-революционная» фаза)

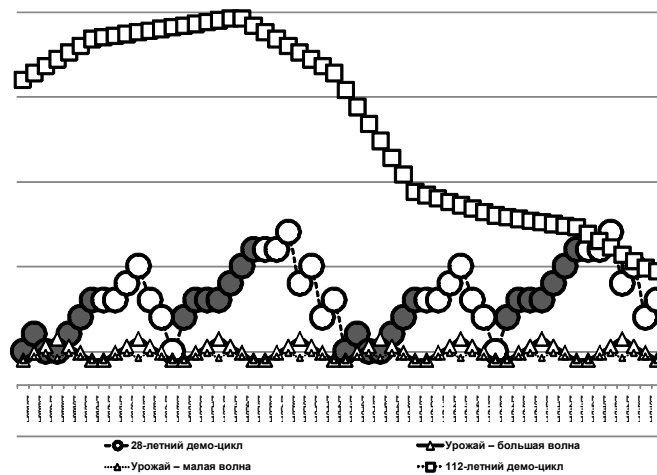

Рис. 16. Природно-демографические ритмы на отрезке в два 28-летних цикла (1885–1940 гг.)

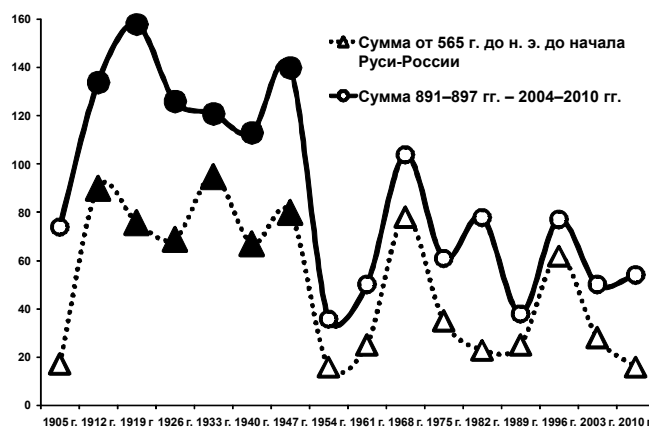

Рис. 2. Суммарная насыщенность войнами 112-летнего природно-демографического цикла, начиная с «военно-революционной» фазы (суммы числа отмеченных во всемирной хронологии лет с войнами, перемноженных на число стран-участников, по 16 циклическим 7-летиям 112-летнего цикла. Ось абсцисс – шкала текущего 112-летнего цикла 1906–2016 гг. с началом очередного «военно-революционного» сброса давления в перенаселенных популяциях около 2017 г. Укрупненные маркеры с черной заливкой – шесть 7-летий «военно-революционной фазы». На оси абсцисс указаны конечные годы 7-летий

Четыре района концентрации крестьянской агрессии в Тамбовской губернии в первой четверти XX в. известны (см. рис. 3). Четырежды и при разных властях: в 1905–1907 гг., осенью 1917 г., осенью 1918 г. и особенно в 1920–1921 гг. – «прорывы» этой агрессии становились сильнейшими в России. Но почему именно тогда и именно в этих районах? В частности, район концентрации пика агрессии – «антоновщины» – не совпадает с районами самого активного изъятия большевиками сельхозпродуктов и плохо соотносится с зонами неурожая 1920 г. Он не совпадает с зонами мобилизационных изъятий мужчин в РККА. Он не имеет прямого (да и другого) отношения к центрам эсеровской деятельности. Не «ложится» на конкретный район (районы, «пятна») восстания и социально-экономическая градация региона в смысле «кулацкого» фактора. «Яро бандитскими» сплошь и рядом были те села, в которых к 1920 г. толком не было не только продразверстки и армейских мобилизаций, но и какого-либо управления, кроме общинного гомеостаза, равно как и те, в которых государственные «безобразия» и насилие проявились в полной мере. Если мы обратимся к достаточно массовой просопографии активистов восстания, то и в такой выборке биографий также не увидим ни общего имущественно-классового ядра, ни общего личного страдания от власти, ни дезертирской общности, ни идейно-романтического, «освободительного» стержня. Нет даже объединяющего рода занятий – земледелие как довоенный род занятий активного, достаточно заметного «антоновца» присутствует в весьма малом количестве бандитских биографий.

Объединяющее начало, базовый фактор всех форм гражданской войны, вспыхивавших в селе в первой трети XX в., сформировался на уровне конкретной социально-демографической и природно-демографической истории края и четко определил географическое ядро, «котел» сельских восстаний в Тамбовской губернии в 1917–1921 гг.

В XVII–XVIII вв. волнообразное, ритмичное, от рубежа к рубежу, дугообразное заселение края с общим вектором на юг и юго-восток шло тремя путями. Движение служилых русских по первому пути – по рекам Иловаю, Лесному и Польному Воронежам,

Челновой и Цне из рязанско-московских пределов с севера и немного из орловско-курских пределов с запада – заняло конец XVI и XVII в. и дошло до южного рубежа района с. Кузьмино-Гать в 20 верстах от Тамбова.

С самого конца XVII и в течение XVIII в. «натаптываются» второй и третий пути. По второму из рязанско-владимирско-нижегородских пределов к востоку от Цнинского леса по Керше, Ломовисам, Вороне, Караю, Ржаксе, Пандам, Савале шли служилые русские и татары, а также монастырские крестьяне.

В том же XVIII в. с запада, с Украины, от Белгорода и Орла на реки Битюг, Бурнак, Липовицу, Кариан, на верхнюю Цну, на Савалу вплоть до Ржаксы, Панды и Вороны шли переводимые помещиками крепостные. Это был третий путь.

Тогда же в две волны первой четверти XVIII и конца XVIII – первой трети XIX в. из переполненных старых притамбовских служилых сел (особенно с рубежа Кузьминой Гати, под южный край Цнинского леса) возобновился «сброс» значительной доли молодых семей на берега тех же верхней Цны, Савалы, Ржаксы, Вороны и т. п.

Таким образом, к середине XX в. образовался выгнутый на юго-восток эллипс района грядущих крестьянских восстаний. Стенки данного «демографического мешка», пополнявшегося через три горловины до запредельной набивки, с содержимым из смеси растущих владельческих и бывших служилых сел образовала условная кривая: Знаменка – Мордово – Жердевка – Терновка – Алабухи – Мучкап – Николино – Царевка – Умет – Пересыпкино – Рудовка – Кутли – Пахотный Угол – Нижнеспасское – Сухотинка – Знаменка. Чем ближе к центру этого «мешка» были те или иные села, а значит, чем меньшими были социально-географические возможности выбраться из него, тем более «яро бандитским» было в 1917–1921 гг. население этих мест.

Социально-демографическим «мешком» очерченный район стал потому, что, когда с последней четверти XIX в. земледельческую популяцию «прижал» очередной (сильнейший и последний) подъем демографического давления, из него не оказалось скольконибудь широкого выхода, а только небольшие «дырки». «Сбрасы-

вать» лишних и активных дальше на юг и юго-восток оказалось невозможным – все уже было занято воронежской, саратовской и пензенской публикой. В дальнюю миграцию за пределы региона подняться могли очень немногие. Беда острейшего аграрного и растущего перенаселения пришла не только в «наш» «мешок», а ко всем крестьянам. Но у других был путь к спасению, были каналы, клапаны сброса демографического давления и всех его последствий. То были пути массового движения в мир крупных городов, в индустриально-городскую жизнь. Эти открытые, прежде всего развитые железные дороги в Донбасс, к Липецку, Туле, Рязани и главное – к Москве в значительной мере сняли давление аграрного перенаселения в западных, северо-западных и северных уездах Тамбовской и других губерний. К тому же градус агрессивной, стрессовой активности в аграрных популяциях этих субрегионов в течение предшествовавших трех веков периодически понижался сбросами местных сельских «активистов» в города и в тот же «мешок». По этой причине «ядра» крестьянской агрессии в 1905–1907 гг. – Козловский уезд и др. – перестали быть таковыми к началу Гражданской войны. Они вытолкнули, «сбросили» в города большую часть своих активистов до 1917 г.

Ближние, но слишком маленькие Борисоглебск, Балашов, Кирсанов, Моршанск не могли принять даже малую долю тех, кто рвался из углов этого «мешка». Крупные Воронеж, Саратов, Пенза, Нижний Новгород были слишком далеко, и к тому же путь к ним преграждали плотные «воротники» из собственных перенаселенных сел. Спасительным пунктом назначения для десятков тысяч других «лишних» тамбовской деревни мог стать Тамбов. Но, увы, губернский центр был также окружен 25–30-верстным плотнейшим «воротником» из старых служилых и частью бывших владельческих сел. Их жители были первыми на «очередь в город». К тому же значительную часть дороги из «мятежного мешка» на Тамбов преграждала широкая полоса Цнинского леса, а через лес, если его не пересекали старые дороги и реки, наши земледельцы не ходили.

Что же в итоге получилось? Наш «мешок» изначально наполнялся социально и генетически активным человеческим материалом. С ростом давления аграрного перенаселения стрессовая ак-

тивность, агрессия росли и не находили ни демографического, ни социально-экономического, ни социокультурного выхода (сублимации). Огромное большинство молодого агрессивного населения перераспределялось, стремительно накапливаясь, внутри одного исторически сложившегося региона. То же происходило и в макросистеме России как неколониальной империи. Подобные по происхождению, расположению и форме «мешки» вырисовываются и в «чапанной войне», в «вилочном» мятеже, в мятеже Сапожкова, в Западно-Сибирском мятеже.

Также конкретная географическая затрудненность сброса «лишнего» активного населения образовывала наряду с главным и «малые мешки». В Тамбовском крае в 1917–1921 гг. таковыми оказались зоны старых сел в 15–20-верстном радиусе круга с центром в Сосновке и такой же по площади ареал старых сел между Моршанском и Шацком. Стрессовая агрессия подстегивалась конкретными и известными социально-экономическими, политическими, социокультурными обстоятельствами. Крайне малые возможности, предельно узкие каналы продуктивной, положительной сублимации массовой социальной и индивидуальной деревенской агрессии, активности переводили ее на дорогу к уголовной психопатологии, социальному бандитизму с его приемами физического устранения возможного соперника. А мир городского и полугородского стресса поставлял характерных вождей «крестьянской революции».

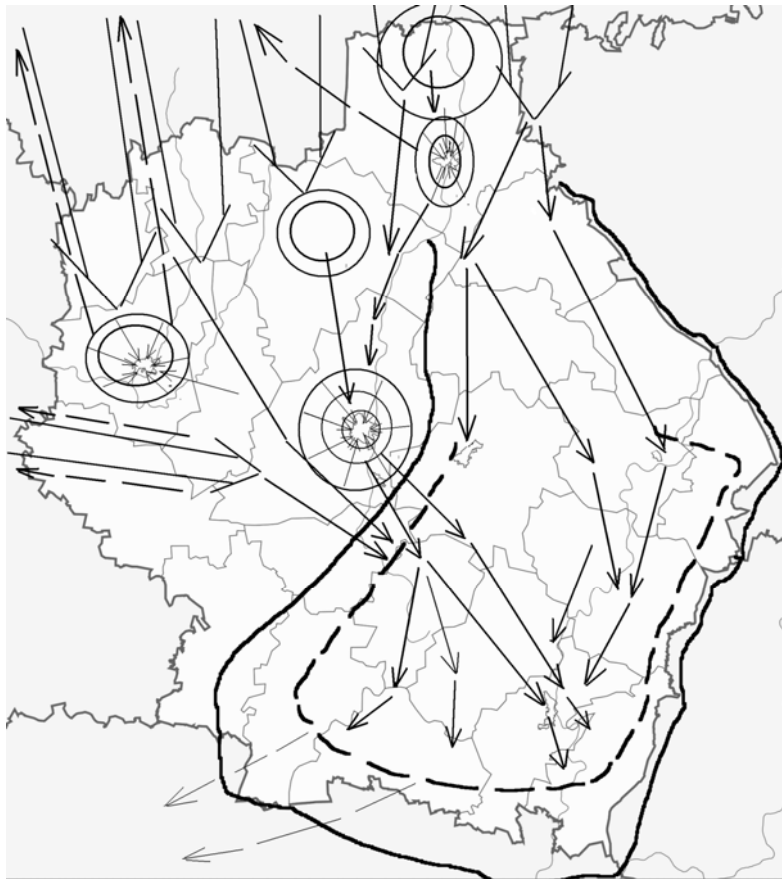

Рис. 3. Пути и зоны формирования демографических «мешков» агресси в Тамбовском крае. Сплошные двойные стрелки – пути входа иммигрантов в будущие зоны аграрного перенаселения, пунктирные – направления сельской эмиграции из перенаселенных зон. Сплошная жирная линия – примерная граница большого демографического «мешка», двойной внутренний контур (пунктир) – зона наибольшего демографического давления в начале XX в. и, следовательно, концентрации повстанчества 1917–1921 гг. Двойные контуры в районах Шацка, Моршанска, Козлова, Вторых Левых Ламок – Сосновки, Тамбова – зоны первичного (второй половины XVII – первой четверти XIX вв.) накопления демографического давления, «малые мешки»

Литература

Данилов, В. П., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. 2007. Введение. «Антоновщина». *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания*. Тамбов.

Дьячков, В. Л.

1994. Еще раз об «антоновщине». *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.). Библиографический указатель* (с. 7–18). Тамбов.

1995. Русские крестьяне и государство (О влиянии некоторых формирующих факторов на сознание и судьбу деревни). *Крестьяне и власть. Тезисы докладов и сообщений научной конференции* (с. 24–27). Тамбов.

1999. Труд, хлеб, любовь и космос, или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. *Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции* (с. 72–82). Тамбов.

1999. Еще раз о причинах российских революций начала XX века. *Державинские чтения IV. Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов* (с. 72). Тамбов.

2000а. Русский крестьянин на пути от биологического существа к социальному: условия, особенности и последствия движения в конце XVIII – начале XX века. *Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы* (с. 220–228). Тамбов.

2000б. Этапы и последствия развития российского природно-демографического конфликта. XIX – первая половина XX в. *Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии* (с. 14–16). Воронеж.

2000в. Мы выбираем? Нас выбирают? *Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Материалы научно-практической конференции* (с. 31–35). Тамбов.

2001. О природно-демографической основе происхождения и степени радикализма российской пореформенной социально-политической элиты. *Интеллектуальная элита России на рубеже XIX–XX вв.: сб. науч. ст.* Киров.

2002а. Природно-демографические циклы как фактор российской истории, XIX – первая половина XX в. *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции* (с. 17–31). Тамбов.

2002б. Война как исторический природный регулятор демографического поведения. *Армия и общество. Материалы международной научной конференции* (с. 222–231). Тамбов.

2003. О факторах российской системной катастрофы XX в. *Державинские чтения VIII. Материалы научной конференции преподавателей и студентов* (с. 137–138). Тамбов.

2005а. Перенаселение как первоисточник проблем экогенеза и его пространственно-временная модель. *Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв. Материалы межрегиональной конференции* (с. 56–64). Тамбов.

2005б. Роль и место экологического фактора в интегральной модели развития Тамбовского региона в XIX – начале XX в. *Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX в. Материалы Всероссийской научной конференции* (с. 30–37). Тамбов.

2006а. Крестьянская социально-демографическая модель в первой половине XX в.: эволюция и катастрофа. *Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений* (с. 121–122). Тула.

2006б. Общее и особенное в социально-демографическом развитии с. Знаменка Тамбовского уезда Тамбовской губернии как сельского населенного пункта в середине XVIII – начале XX в. *Социальная история российской провинции. Материалы Всероссийской научной конференции* (с. 48–65). Ярославль.

2007. Социально-демографическое развитие с. Верхоценье и окрестных сел от их основания до наших дней. В: Юдин, Б. И., *Верхоценье – истоки Тамбовщины*. Тамбов.

2008. Социально-демографические процессы в городах двух губерний. *Урбанизация в России в XVIII – начале XX в.:* сб. науч. ст. (с. 187–200). Тамбов.

2009а. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. *Экологическая история России в XVIII – начале XX в.:* сб. науч. ст. (с. 30–35). Тамбов.

2009б. Межвоенная интерлюдия: социально-демографическое развитие Тамбовского края в 1914 – июне 1941 г. *Вестник Тамбовского университета*. Приложение к журналу. Тамбов.

2009в. *Революция 1917 г. и Гражданская война в России (1918–1921):* уч. пособ. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

2010. О новых массовых источниках в изучении социально-демографической истории России во второй половине XIX–XX в. *Актуальные*

проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. *Источники и методы исследования. XXXII сессия по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений* (с. 172–174). Рязань.

2011. Длительные природно-демографические циклы в истории России: способы выявления и структуры. *Природа и общество: общее и особенное. Социоестественная история*. Вып. XXXV (с. 100–105). М.: ИАЦ «Энергия».

Дьячков, В. Л., Канищев, В. В.

2005. Послание Б. Н. Миронову о сущности работы отдельных провинциальных историков, или ответ ученому соседу. *Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер»*. М.; Барнаул.

2009. Эволюция социально-профессионального состава населения России в XX в. (по материалам студенческих генеалогий). *Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности*: сб. ст. Барнаул.

2012а. Российская демографическая модель XX века: переход от естественных к регулируемым процессам. *Человек и природа в пространстве и времени. Социоестественная история*. Вып. XXXVI (с. 21–25). М.: ИАЦ «Энергия».

2012б. *История Отечества. Краткое изложение основных проблем*: уч. пособ. для абитуриентов, студентов и аспирантов университетов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

Дьячков, В. Л., Канищев, В. В., Яковлев, Е. В. 2006. Естественно-исторические предпосылки революции 1905–1907 гг. (по материалам Тамбовской губернии). *Первая российская революция: взгляд из будущего. Материалы Всероссийской научной конференции* (с. 19–37). Тамбов.

Дьячков, В. Л., Протасов, Л. Г.

2006. «Антоновщина»: осмысление характера и места в истории. *Россия в глобализующемся мире*: сб. науч. ст. (с. 177–187). Архангельск.

2011. Региональные политические элиты на историческом переломе 1917–1921 гг. *1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к новым международным отношениям*: сб. материалов международной научной конференции (с. 147–150). Мурманск.

2013. «Сотри случайные черты»: эскиз к социопортрету провинциального либерала начала XX в. *Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции*: сб. науч. ст. (с. 174–184). Орел.

Дьячков, В. Л., Протасов, Л. Г., Пудовкин, С. В. и др. 2013. *Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина*. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

Dyatchkov, V. 2001. Natural-Demographic Basis of Russian System Transition of the 20th c. *EAPS 2001 Conference. A Book of Abstracts*. Helsinki.

Dyatchkov, V., Kanitschey, V. 2004. Tambov Regional Development in the Context of Integral History, 1800–1917. *Where the Twain Meet Again. New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development 1750–1917* (pp. 199–223). Groningen; Wageningen.